

1 / 4

Что Русалочка нынче? – Эмблема кофеен Starbucks.

Вот случайная встреча из тех, что совсем не случайны;
хочешь верь, хочешь нет – это чистой воды эмпиризм.
Декорации, труппа – всё богово: вира! и майна! –
Мокко. Двое. Предчувствие прошлых соборов и схизм.

Mon amour, если ряд бесконечно далёких и малых
бесконечен, то время с него не взимает налог...
Мои мысли дробятся в твоих австралийских опалах –
тот браслет – красота бессознательна – пара серёг –

...Скандинавская ночь у взбешённого шквалами моря:
волны бились во фьордах, кипели на мёрзлых камнях,
оглушали – казалось, друг другу чудовища вторят,
те, что небо, солёной слюной окатив, воронят.

Мы снимали коттедж в обезлюдивших на зиму шхерах.
В эту ночь исходящий оранжевой зыбью камин
поддержал разговор об известном обоим барьерах,
маскируемых островом. Тая, сгорал парафин...

– Обесмысливать жизнь добровольно? Вчера или завтра –
та же terra incognita, hic sunt dracones, пойми!
– Даже спрятавшись здесь, ты упорно цитируешь Сартра.
Расставания хрестоматийны; мы оба с детьми.

Объясни же природу взаимных и полных затмений! –
В толковании снов (разбуди!) я бывал нерадив.
Адюльтер – это грех, и нам взвесят его на безмене,
погоды... Но пока – улыбайся в зрачка объектив.

Кто владеет твоим неустанно отзывчивым телом? –
Расскажи мне, валяй, я готов говорить о тебе:
торопливой, усталой, успешной, безвыходно спелой.
Я восторженно внемлю твоей а capella божбе.

Дай мне руку – лежащее за горизонтом событий
воссоздать невозможно, ты знаешь не хуже меня –
лишь озноб растопи, хорошо? Ариадновы нити
нашей памяти рвутся, рубцы на ладонях тисня.

Мокрый снег

Слой за слоем кладёт белила

На грунтованные холсты
Кукурузных полей, где ты
Поцелуями враз таврила.

Заливает холмов горбы
Гипсом, чтобы к утру застыло.
Ты себя красотой сулила
Тем, кто не обратились бы

Ни в глаза зеленой берилла
Ни в губы терпче хурмы.
Что осталось? – Поля, холмы,
Ты (ушедшая), гипс, белила.

* * *

Ищи меня. Теперь мы заодно.
Обыскивай, как я, за телом тело.
И помни: встретив души, нам дано
пускать в них корни, рыжая омега:
«испытывать привязанности» (sic!) –
святая простота иных схоластов
так именует груз живых вериг.

На то и добродетель, чтобы хвастать.

Чем нагота страшнее власяниц?
Священнодействие плоти – голый навык?!
Но спальня – тигель, жертвенник жар-птиц,
где ты свершаешь таинство переплавок
на слух, на вкус, на ощупь – в резонанс
взрывающихся систол и диастол...

У бога страсть – раскладывать пасьянс;
а надоест – бросает карты на стол.

Не ты. Не я. Мираж французских Альп,
Где бритвы гор снимают с неба скальп.

{jacomment off}